

RESEARCH ARTICLE / ARAŞTIRMA MAKALESİ

К Переводу Сонета “Stepy Akermanskіe” Адама Мицкевича На Азербайджанский Язык

To the translation of the sonnet “Stepy Akermanskіe” by Adam Mitskevich into the Azerbaijani language

R.M. Novruzov¹

G.F. Novruzova²

¹ Prof., Baku Slavic University / Azerbaijan, e-mail: rafignovruzov52@gmail.com

² Azerbaijan, Baku, e-mail: rafignovruzov52@gmail.com

Abstract

This article is devoted to the analysis of the poem “Akkerman Steppes” by the famous Polish poet Adam Mickiewicz into the Azerbaijani language. It is known that this poem is the first of the cycle “Crimean Sonnets”, published in 1826 in Moscow. “Crimean Sonnets” were a kind of beginning of romantic poetry in Polish literature, which was a challenge against the rules of classicism. For the first time, a new lyrical hero bursts into Polish poetry, full of a world of spiritual experiences, sometimes in conflict with life circumstances and the environment. Naturally, this lyrical hero embodies the poet’s own experiences and reflects his spiritual aspirations. The inner world of the lyrical hero was determined by the poet’s impressions of his trip to Crimea. At the same time, it was precisely the ideological function of the lyrical hero that served as the poet’s appeal to the oriental style. Mickiewicz, through depicting the greatness of nature, magnificent landscapes, through the prism of a European, but with an internal acceptance of Eastern understanding, creates his own poetic cosmogony. You can approach the analysis of the poet’s texts in different ways, but to deny their oriental stylization, in our opinion, will not be correct.

All of the above once again confirms the difficulty of transmitting these poetic works into a foreign language. First of all, it can be expressed in the loss of the system of images while maintaining the form of the poem. Sometimes, while maintaining the lexical-semantic content, you can lose the form of a

Citation/Atıf: NOVRUZOV, R.M. & NOVRUZOVA, G.F. (2024). К Переводу Сонета “Stepy Akermanskіe” Адама Мицкевича На Азербайджанский Язык. *International Journal of Language and Awareness*. 3(1), 29-34. DOI: [10.33390/ijla.2349](https://doi.org/10.33390/ijla.2349)

Corresponding Author/ Sorumlu Yazar:
R.M. Novruzov
E-mail: rafignovruzov52@gmail.com

Bu çalışma, Creative Commons Atıf 4.0 Uluslararası Lisansı ile lisanslanmıştır.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

poetic text. In the analysis of Mitskevich's poem into the Azerbaijani language, an attempt is made to reveal the correspondence of the phonetic, graphic and linguistic features of the poetic text. Considering the multi-level structure of the poetic text, which includes different lengths of lines, attention is drawn to the conveyance of the aesthetic and emotional mood of the poet. The latter is expressed by elements of phonetic form, the ratio of rhymes, alliteration, assonance, repetitions of sounds, etc. It would seem that oriental stylistics allows us to somewhat simplify the translation technique. However, the analysis shows that this apparent ease is negated by the poet's aesthetic attitudes, which must be taken into account when translating.

Keywords: sonnet, features of the original, translation, analysis.

Аннотация.

Настоящая статья посвящена анализу стихотворения "Аккерманские степи" известного польского поэта Адама Мицкевича на азербайджанский язык. Известно, что указанное стихотворение является первым из цикла "Крымских сонет", опубликованные в 1826 году в Москве. "Крымские сонеты" явились своего рода началом романтической поэзии в польской литературе, которая была вызовом против правил классицизма. Впервые в польскую поэзию врывается новый лирический герой, полный миром духовных переживаний, находящийся порой в противоречии с жизненными обстоятельствами и окружающей средой. Естественно, что в этом лирическом герое воплощены переживания самого поэта, отражены его духовные устремления. Внутренний мир лирического героя определялся впечатлениями поэта от поездки по Крыму. Вместе с тем именно идеологическая функция лирического героя послужила обращением поэта к ориентальному стилю. Мицкевич через изображение величия природы, великолепных пейзажей, через призму европейца, но с внутренним приятием восточного осмысления создает свою поэтическую космогонию. Можно по-разному подходить к анализу текстов поэта, но отрицать их восточную стилизацию, на наш взгляд, будет не верным.

Все сказанное еще раз подтверждает трудность передачи указанных поэтических произведений на инонациональный язык. В первую очередь она может выразиться в потере системы образов при сохранении формы стихотворения. Иногда при сохранении лексико-семантического содержания можно потерять форму стихотворного текста. В анализе стихотворения Мицкевича на азербайджанский язык делается попытка раскрыть соответствие фонетических, графических и лингвистических особенностей поэтического текста. Учитывая многоуровневую структуру поэтического текста, которая включает в себя разную длину строк, обращается внимание на передачу эстетического и эмоционального настроения поэта. Последнее выражается элементами фонетической формы, соотношением рифм, аллитераций, ассонансов, повторы звуков и т.д. Казалось бы восточная стилистика позволяет несколько упростить технику перевода. Однако проведенный анализ показывает, что эта кажущаяся легкость отрицается эстетическими установками поэта, которые должны быть учтены при переводе.

Ключевые слова: сонет, особенности оригинала, перевод, анализ.

Впервые “Крымские сонеты” были переведены на азербайджанский язык и вышли отдельным изданием (издательство “Язычы”) в 1985 году. В последующем, а именно в 1998 году, издательством “Мутарджим” была выпущена книга на азербайджанском языке, куда были включены как “Крымские сонеты”, лирические стихи, так и поэма “Pan Tadeusz” (“Пан Тадеуш”). Таким образом, самые популярные произведения Мицкевича в двух изданиях были представлены азербайджанскому читателю в переводе одного из современных азербайджанских поэтов Сабира Рустамханлы. Прежде чем перейти к анализу текстов перевода необходимо подчеркнуть немаловажный переводческий прием: оба издания снабжены не только предисловием о творчестве и значении поэзии Адама Мицкевича, но и переводом собственных примечаний к оригиналу. Кроме того, как отмечает в предисловии ко второму изданию профессор Муртуз Садыхов, отличительной особенностью перевода является текст подстрочного перевода с польского язык Г.Абдуллабековой, который естественным образом послужил основой эквивалентного перевода (Mitskevici, 2006).

На первый взгляд, исполнение перевода на азербайджанском языке может показаться не сложным, ибо ориентальная поэзия польского поэта передается одним из восточных языков и благоприятствует восприятию реципиента. Однако, кажущаяся легкость является иллюзорной. Добавим к сказанному мысль о том, что мировосприятие, мироощущение автора-европейца, пишущего на восточную тематику, все-таки отличается от миропонимания восточного человека. Более того, польский язык с поэтическим словесным арсеналом, орнаментикой, архитектурной отличается от тех же структурных особенностей азербайджанского языка. Достаточно вспомнить множество переводов польского поэта на родственный русский язык еще при жизни поэта и в последующие времена. По этому поводу уместно вспомнить оценку Ф.Булгарина относительно перевода “Крымских сонетов” И.И.Козлова в “Северной

пчеле”: “Крымские сонеты Мицкевича принадлежат к небольшому числу тех счастливых подражаний Музы Европейской Музе Востока, которые свидетельствуют о необыкновенной гибкости дарования в подражателе, умевшем рассыпать в стихах своих все яркие цветы поэзии, придать им всю смелость выражений и оборотов, которыми отличаются кассиды поэтов арабских. Но Мицкевич в сих сонетах и в Фарисе явился, можно сказать, творцом нового рода поэзии: поэзии самобытной, в духе восточных народов. Состязаться с ним на сем поприще даже переводами его же произведений есть труд весьма немаловажный, подвергающий переводчика беспрестанной борьбе с препятствиями, которые противопоставят ему отважный полет и своенравная сжатость Поэта Польского. Со всем тем г. Козлов часто весьма удачно передавал в русских стихах прекрасные стихи подлинника. Заметим, однако же, что он не везде и даже редко придерживался трудной формы, выбранной Мицкевичем. Но мы благодарны нашему поэту-прелагателью и за то, что он в прекрасных подражаниях знакомит нас довольно близко с сими играми воображения Европейского, сильно согретою знойным солнцем Востока” (Булгарин, 1829).

Рецензент недвусмысленно признает необычность, трудность передачи формы сонетов Мицкевича для переводчика, которые, в свою очередь, определяются сложностью предпринятой формулы западно-восточного синтеза, вмещающего в себя полярности как содержательного, так и формообразующего характеров.

“Крымские сонеты” открываются стихотворением “Аккерманские степи”. Однако ко всему сборнику ниспослано посвящение друзьям, путешествующим вместе вместе с поэтом по Крыму. Кроме посвящения к сборнику дается и эпиграф, отрывок из стихотворения И. В. Гете на немецком языке:

“Хочешь ли понять поэта,

Так иди в его край света” (Гете, 1988).

Мицкевич отмечает, что этот эпиграф взят из книги “Худд-Наме” (“Книга Рая”). Не вдаваясь в подробности данного вопроса, отметим лишь, что это четверостишие дается эпиграфом самим Гете к “Статьям и примечаниям к лучшему разуменью “Западно-восточного дивана” ()).

Сабир Рустамханлы переводит и посвящение, и эпиграф к “Сонетам”:

Kim şairi dərk etmək istəyrsə onun yurduna getməlidir.

Höte.

Krım səyahətindəki yoldaşlarıma.

Müəllif (Mitskeviç, 2006).

Для азербайджанского читателя, не имеющего фоновых знаний об эпиграфе и о посвящении, переводчик, на наш взгляд, должен был дать пояснение к ним, с целью создания определенного условия коммуникативной компетенции. Оно, это пояснение, усилило бы представление “восточности” данного произведения, подтвердило бы намерение поэта показать приверженность его к традициям европейской литературы, которые в лице своих лучших представителей пытались увидеть в красотах восточной поэзии не только орнамент, внешнюю экзотичность, а проникнуться восточным мировосприятием или, по крайней мере, создать нечто “приграничное” между западно-восточным мироощущением или же западно-восточным синтезом (в духе Гете). С другой стороны, пояснение помогло бы читателю понять, почему выбор Мицкевича остановился именно на Гете, а не на Байроне, Т.Муре или Пушкине, которые тоже писали на восточную тематику. Ведь романтический дух стихотворений Мицкевича проникнут не только гётевским духом, но и воплощением в действительность идеи немецкого поэта относительно не абстрактного, не умозрительного, а конкретно увиденного и понятого Востока.

Обратимся к анализу.

Оригинал:

STEPY AKERMANSKIE

Wpłynąłem na suchego przestwór Oceanu,

“Wóz nurza się w zieloność i jak łódka brodzi,

Śród fali łąk szumiących , śród kwiatów powodzi,

Omijam koralowe ostrowy burzanu.

Już mrok zapada, nigdzie drogi ni kurhanu;

Patrzę w niebo, gwiazd szukam przewodniczek łodzi;

Tam zdala błyszczą obłoki? tam jutrzienka wschodzi?

To błyszczą Dniestr, to weszła lampa Akermanu.

Stójmy!-jak cicho!-słyszę ciagnące żurawie,

Których by nie dościgły źrenice sokoła;

Słyszę kędy się motyl kołysa na trawie,

Kedy waż sliska piersią dotyka się ziola.

W takiej ciszy!-tak ucho natężam ciekawie,

Ze słyszałbym głos z Litwy,-jedźmy, nikt nie woła (Мицкевич, 1976).

Перевод:

AKKERMAN ÇÖLLƏRİ

Çıxdım genişliyinə səhra okeanının,

Kövşənlərə qərq olub üzür gənim-arabam.

Düzənlərdə gül-çiçək dalğasıdır dörd yanı,ım,

Mərcan rəngli kolluqlar, qay alardır arada.

Qoy mənə yol göstərsin göyün uduzlu damı,

Nə kənd var, nə də kurqan... Hər yan qaranlıq zülmət.

Görünən Dnestrin Akkerman mayakımı,

Yoxsa bulud alışıb? Yoxsa açılır səhər?

Oxqay! Sakitliyə bax! Yalnız durnalar bu an

Ötüb keçir qatarla əlçatmaz ucalıqdan.

Dinləyirəm: nə deyir kəpənək, gül dənizi?

Elə səssizlikdir ki, dilə gəlir öz dərdim,

Litvadan da səs gəlsə, uəqin ki, eşidərdim,

Yox, irəli, irəli! çağiran yoxmuş bizi... (Mitskeviç, 2006).

Сразу бросаются в глаза несоответствие рифмы оригинала и перевода. В первой строфе оригинала рифмуются первая и четвертая строки, вторая и третья строки даются перекрестной рифмой. В третьей и четвертой строфах первая строка рифмуется с третьей, а средняя - свободная; в переводе же – рифмуются две первые строки, а последняя - свободная. Понимая переводческую тактику Сабира Рустамханлы, которая предпринята для удобного восприятия национального читателя, мы тем не менее придерживаемся той логики, предполагающую системное соответствие формы содержанию.

Первая строфа описывает выход поэта на просторы степи, олицетворяющие собой выход из неволи на свободу. Весь пафос текста овеян романтической картиной красоты природы, зелени и цветов, представляющих в восприятии поэта безбрежный океан, а его повозка – своеобразная лодка, плывущая по этому пространству. Переводчик верно начинает первую строку, которая передает дух оригинала, и находит удачное решение “привязки” *gəmi* (лодка) и *araba* (повозка).

Повторы в стихотворении служат усилению переживаний лирического героя. Опуская их, переводчик обедняет изобразительные средства образа, образ теряет свои краски, он тускнеет, и вместо романтической окрашенности мы получаем блеклую, тусклую копию непонятого объекта. Мицкевич дважды повторяет: “*srod fali lak szumiacych sród kwiatów powodzi*” (“среди волн шумящих нив, среди разлива цветов”). В переводе эта строка передается без повторов, мало того упрощенным предложением. Тем самым нарушается ритм стиха, ведь, повторяя “*srod*”, поэт отображает пространственность и величие окружающего его мира. “*Günün ulduzlu damı*” -интересный образ, понятн и доступн азербайджанскому читателю. Но этот образ отсутствует в оригинале. Зато не менее привлекательный образ “*qwiadz szukam, przewodniczek łodzi*”

(“ищу звезд-путеводительниц лоды”) выпал из строфы. Указанный эпитет ненавязчиво определен семантикой не только строфы, но и семантико-стилистической структурой всего стихотворения.

“*Nigdzie drogi ni kurhanu*” (“нет ни дороги, ни кургана”) передается на азербайджанском языке с заменой “дороги” на “деревни”, то есть польский текст дает читателю понять, что после наступления сумерек нарушена видимость того, что перед тобой (дорога), и то, что возвышается в пути (курган). Была ли необходимость в этой замене? Нам думается, что нет. Можно было бы оставить “*yol*”. А слово “курган” не было нужды оставлять, его можно было бы заменить словом “*tərə*”. Впрочем, суть даже не в неверной передаче лексики оригинала, а в том, какая мысль логически следует за соответствующей лексикой. Ведь обращение к небу в поисках путеводной звезды закрепляет предыдущую мысль автора о невидимости пространства. У Мицкевича “облако блещет” и “блещет Днестр”, у Рустамханлы только “облако горит”. Напрашивается вопрос: случаен ли этот глагол у польского поэта? Конечно, нет. Для поэта необходимо подчеркнуть отражение света маяка и на небе, в облаках, и внизу - в речной глади Днестра.

В четвертой строфе перевода потерян образ змеи, которая дотрагивается до растений скользкою грудью (*słyszę kędy się motyl kołysa na trawie*). Кстати, эта строка вызвала определенную критику А. С. Пушкина. Но для того, чтобы дать полную информацию об этом, мы сделаем здесь небольшую паузу.

Известно, что на развитие творчества Мицкевича благотворное влияние оказала передовая русская литература. Если в Вильно он в одиночку прокладывал дорогу новому направлению, то в России он окунулся в среду передовых писателей. Достаточно сказать, что поэты-декабристы, будучи на позициях революционного романтизма, ориентируясь на подъем революционного движения, критиковали существующий строй, затрагивали в своих произведениях злободневные проблемы, тем самым

подготавливая определенный задел для развития реалистического направления в русской литературе.

Исследуя творчество Мицкевича второй половины 20-х годов, литературоведы обратили внимание на то, что именно в России происходит перелом в творчестве писателя, направленный на возрастание реалистических тенденций в его художественном методе, основанное на опыте исторических событий как в Польше, так в России.

Следует особо отметить взаимное влияние Мицкевича и Пушкина. Вспомним стихотворения Пушкина “Он между нами жил...” и “В прохладе сладостной фонтанов...”, которые были посвящены Мицкевичу. Кроме того, его имя упоминается в таких произведениях, как “Евгений Онегин”, “Дубровский”, “Медный всадник”, в сонете “Суровый Данте не презирал сонета...” и др. Добавим к сказанному перевод вступления к “Конраду Валленроду”, баллады “Три Будрыса” и “Дозор” (в переводе они называются “Будрыс и его сыновья” и “Воевода”). Литературной общественности известен и факт исключения Пушкиным, по совету Мицкевича и Дельвига, сцены между Григорием и злым чернецом из “Бориса Годунова”. По замечанию Малевского, “Пушкин критиковал автора “Крымских сонетов” за стих: “Где змея скользкой грудью коснется травы”. Пушкин указывал, что “у змеи нет груди”. Мы где-то можем принять замечание Пушкина, но в то же время нельзя и отрицать художественную интерпретацию поэта, тем более, когда текст оригинала необходимо передать на другом языке. Это не просто детали или же компоненты целого, это увиденное оживление природы, которое видится поэтом во всем, и это все невозможно представить без своеобразных “мазков”, которые создают необходимую палитру величественной картины божественного пробуждения.

Таким образом, проделанный анализ показывает, что многоуровневый характер поэтического текста диктует переводчику возможность переводить не только на

фактуальном, но и на концептуальном уровне, теряя при этом некоторые лексико-семантические позиции содержания.

Используемая литература

- Булгарин, Ф. (1829), “Северная пчела”, No 135, 2.
- Гете, Иоганн Вольфганг (1988), Западно-восточный диван, М.: Наука, 137.
- Маковский, Станислав (1998). Romantyzm, Warszawa, Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 540.
- Мицкевич, Адам (1976), Сонеты, Ленинград: Наука, 29.
- Mitskevič, Adam Mitskevič (2006), Seçilmiş əsərləri, Bakı: “Şərq-Qərb”, 11.